

Игорь Садков

Царский Выкуп

Игорь Садков

Царский выкуп

«Автор»

2026

Садков И.

Царский выкуп / И. Садков — «Автор», 2026

Приветствую читателей. Этот для меня первая проба пера. Ждем отзывы.
Если будет интересно то продолжим)))

© Садков И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Шкаф	5
Глава 2. Пепел	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Игорь Садков

Царский выкуп

Глава 1. Шкаф

Они всегда ловили меня на третий день. Я очнулся от того, что связанные за спиной руки затекли до полной бесчувственности. Рот был заклеен широким серым скотчем, который пах строительной пылью. В комнате стоял тяжелый запах сырой штукатурки и чужого пота — нас было пятеро. Пятеро взрослых мужиков, разбросанных по грязному полу, как кули с мусором. Военный городок N-ск, о существовании которого я раньше не подозревал, готовил нас к отправке.

Я бежал дважды. Первый раз — глупо, на чистом адреналине, сразу за КПП. Второй раз — хитро, через канализационные коллекторы, продумав маршрут. Оба раза меня возвращала она. Баба-Мужик. Существо, в котором природа перемешала всё: широченные плечи борца, тяжелую женскую грудь, обмотанную португеей, и абсолютно лысый череп. Она не бегала. Она просто выходила на след и шла, глядя в землю, будто мои следы светились для нее оранжевым ядовитым цветом. Военные с овчарками отставали через километр, а она всё шла и шла, пока не натыкалась на меня, забившегося в какую-нибудь нору.

В третий раз я решил, что умирать всё равно не страшно. Страшно — остаться. И когда нас погнали через плац к грузовикам, я бросился под колеса БТРа, прокатился по асфальту, раздирая локти, и просто побежал. Сломая голову, через поле с колючей стерней, к темнеющему впереди лесу. Сзади завывли сирены. Началась охота.

Городок ожил. Я слышал, как во дворах захлопали калитки — солдаты и офицеры, их жены, даже подростки высыпали на улицы, прочесывая местность. «Причастны», — мелькнуло в голове. Здесь все были частью этого конвейера. Я полз через малинник, не чувствуя шипов, переплыл ледяную речушку, чтобы сбить запах. Я забрался в самую чашу и лежал там, зарывшись в прелые листья, пока мимо в метре не прошли двое с фонарями.

А потом я увидел её. Она не спеша вышла из-за берез, всё так же глядя в землю. Спокойная, как слон на прогулке. Она не сворачивала, не останавливалась. Она шла по идеальной прямой ко мне, и в этом не было злости — только леденящая неизбежность, как у лавины. Я вскочил и побежал, уже не скрываясь, тратя последний воздух. Лес кончился внезапно. Передо мной вырос мертвый квартал — пять заброшенных хрущевок с черными глазницами окон. И я нырнул в ближайший подъезд, в кромешную тьму, пахнущую крысиным ядом и старой известью.

Я забрался на четвертый этаж, в квартиру без дверей. В комнате стоял старый, рассохшийся платяной шкаф. Не думая, просто рефлекторно ища укрытие, я распахнул скрипучую дверцу. Внутри пахло нафталином и временем. Полки были пусты, кроме нижней. Там, в углу, лежал небольшой сверток из истлевшей бархатной тряпицы. Я схватил его дрожащими руками, уже слыша тяжелые шаги на лестнице. Ткань рассыпалась, и на грязный пол со звоном выкатились монеты. Тяжелые, матово-желтые, с двуглавым орлом и профилем Императора. Последнего Императора.

Шаги замерли на пороге. Баба-Мужик стояла в дверном проеме, заслоняя собой лунный свет. Я выпрямился, сжимая в кулаке холодное золото. Я думал, она сейчас бросится на меня. Но она просто стояла и смотрела. А потом медленно, словно подчиняясь невидимому приказу, отошла в сторону, освобождая проход. Её лицо ничего не выражало, но я вдруг понял: охота окончена. Не потому, что я победил. Просто тот, кто держит в руках Царское Золото, уже не может быть рабом. Таков был уговор, древний, как сама эта земля.

Я вышел на лестничную клетку. Монеты холодили ладонь. Внизу меня ждал выход, а не конвой.

Глава 2. Пепел

Я не помню, как спустился по лестнице. Ноги двигались сами, чужие, ватные. Перил не было — только стена, холодная и шершавая, как наждак. Я вжимался в неё плечом, боясь упасть, боясь, что звук падения разбудит реальность и окажется, что всё это — предсмертная галлюцинация.

Монеты жгли ладонь. Не теплом — холодом. Так замерзает металл на морозе, когда кожа вот-вот прилипнет намертво. Я разжал пальцы, ожидая увидеть кровь, но крови не было. Только три тусклых кругляша с орлом и решкой. Николай Второй смотрел куда-то сквозь меня, с тем же отстранённым спокойствием, что и Баба-Мужик в дверном проёме.

Почему она ушла?

Я прокручивал этот момент снова и снова. Она стояла. Увидела золото. И отступила. Не как человек, который испугался. Нет. Как солдат, услышавший приказ. Как машина, у которой переключили тумблер.

В подъезде воняло мочой и палёной изоляцией. На стенах — обугленные разводы от костров, которые здесь жгли бомжи или такие же беглецы, как я. Под ногами хрустело битое стекло. Я остановился у выхода, прислушался. Тишина. Даже ветер стих, словно весь мир затаил дыхание вместе со мной.

Рассвет ещё не наступил — небо только начало сереть с востока, выпивая звёзды одну за другой. Я выглянул из подъезда. Пустырь. Ржавые гаражи. Покосившийся бетонный забор с колючей проволокой, давно мёртвой и не под напряжением. Дальше — лес, из которого я выбежал час назад.

Ни души.

Я пересёк пустырь быстро, пригибаясь по привычке. В голове билась единственная мысль: Грузовики. Они должны были отправить нас утром. Куда? Кому? Я не знал. За три дня плена нам не сказали ни слова. Кормили баландой, били за взгляд, за кашель, за слишком громкое дыхание. И ждали чего-то. Или кого-то.

У гаража я остановился и ещё раз посмотрел на монеты. Вблизи они выглядели странно — не старыми, а какими-то... вневременными. Ни царапины, ни потёртости. Как будто их отчеканили вчера, но по дореволюционному штампу. И вес. Слишком тяжёлые для своих размеров. Я подкинул одну на ладони — она упала обратно с глухим, почти музыкальным звоном, который отозвался эхом в пустых гаражах.

И сразу же — звук. Далеко, со стороны городка. Собака. Одна, потом вторая.

Я рванул к лесу, не разбирая дороги.

Лес встретил меня сыростью и тишиной. Здесь пахло грибами и тленом, как в погребке. Я шёл, проваливаясь в мох, цепляясь за ветки. Направление выбирал наугад — просто прочь, прочь от сирен, собак, от этого проклятого плаца и грузовиков.

Через полчаса я вышел к ручью и упал на колени. Пил долго, захлёбываясь, пока не заломило зубы. Ледяная вода вернула способность соображать. Я сел на трухлявый ствол и впервые за утро попытался выстроить картину.

Факты.

Первое: я жив и не в наручниках.

Второе: меня не преследуют. Собаки лаяли в другой стороне, и лай постепенно удалялся. Это странно. Баба-Мужик шла по следу безошибочно, как GPS-навигатор. Если бы она хотела, то уже стояла бы за моей спиной. Но её не было.

Третье: монеты. Они настоящие. Я не эксперт, но золото есть золото — его не подделаешь на ощупь. И самое главное: они работают. Работают как-то, что я пока не понимаю, но это факт. Баба-Мужик отступила не потому, что я спрятался. Она отступила, увидев их.

Я достал все три монеты и разложил на ладони. Два червонца с Николаем и одна пятёрка с Екатериной. Царское золото. Сто лет назад эти кругляши могли купить поместье. Сегодня за них можно выручить хорошие деньги у нумизмата, но я нутром чуял: их настоящая ценность не в этом.

Пропуск на волю, — сказал я себе тогда, в шкафу. Сейчас это звучало глупо. Красивая метафора для умирающего от страха мозга. Но Баба-Мужик... она же отреагировала именно на них.

Я перевернул червонец. На реверсе — орёл. Внизу, под хвостом, крошечные буквы: «А.Г.» — инициалы минцмейстера. И ещё что-то, почти стёртое. Я поднёс монету к глазам. Царапины. Тонкие, как волос, линии, складывающиеся в...

Букву. «К»

Я проверил вторую. Тоже царапина. «Р». Третья — «О». И ещё одна, еле заметная — «В».

Кровь. Слово складывалось само собой, и от этого осознания во рту пересохло. «К-Р-О-В...» Я не знал, что дальше. Может, «кровь», может, «кровный», может, «кровавый». Кто-то нацарапал это гвоздём, иглой, много лет назад. Тот, кто держал эти монеты до меня. Тот, кто тоже бежал.

Я сжал монеты в кулаке и почувствовал, как они снова потянули из ладони тепло. Или наоборот — отдали что-то своё. Пульс участился, в висках застучало.

Нужно было идти. Я встал, отряхнул мокрые джинсы и вдруг понял, что не знаю, куда. У меня нет документов, нет денег, нет телефона. Я в лесу, посреди военного округа, где каждый встречный — потенциальный охранник или осведомитель. И единственное, что у меня есть, — три монеты, которые пугают чудовищ и хранят чьё-то зашифрованное послание.

Я выбрал север. Просто потому, что там, за холмами, по моим прикидкам, проходила федеральная трасса. И пошёл.

К полудню лес кончился. Я вышел к старому проселочному шоссе, разбитому лесовозами. Вдоль обочины тянулись столбы с оборванными проводами, а вдалеке, метрах в трёхстах, стояла автобусная остановка — бетонная коробка с облупившейся краской.

Я замер на опушке, высматривая движение. Ни машин, ни людей. Только ветер гнал по асфальту сухие листья.

Остановка была пуста. На скамейке лежала забытая кем-то газета — «Военный вестник», прошлогодний номер. Я машинально пробежал глазами по заголовкам. «Учения на полигоне N-ской части завершены успешно». «Командование отмечает высокую дисциплину». И мелко, внизу, заметка без фотографии: «Пропавшие граждане обнаружены в лесу. Следствие ведётся».

Я усмехнулся. Знал бы кто-то, что это за «пропавшие» и кто их «обнаружил».

Сзади послышался шум мотора. Я рефлексивно отступил в тень остановки. Из-за поворота вывернул старый «пазик» с мутными окнами. На лобовом стекле белела табличка: «N-ск — Горелово». Автобус катил медленно, подпрыгивая на ямах. Водитель меня заметил и начал притормаживать.

Внутри всё сжалось. Я грязный, в рваной одежде, без копейки денег. Но выбора нет — пешком до трассы я не дойду.

Двери со скрежетом открылись. В салоне сидело человек пять — старуха с корзиной, двое мужиков в спецовках, женщина с ребёнком. Самые обычные люди, не военные. Я шагнул на ступеньку.

— До Горелово сколько?

— Пятьдесят рублей.

Я сунул руку в карман. Там, кроме монет, ничего не было. Пустота. Я заколебался, достал одну — Екатерининскую пятёрку. Протянул водителю.

— Сдачи не надо.

Мужик взял монету двумя пальцами, поднёс к глазам. Хмыкнул.

— Это что за фантики? Ты мне рубли давай.

— Это золото.

— Золото у него, — хохотнул один из спецовочников с заднего сиденья. — Слышь, Колян, к тебе олигарх сел.

Водитель покрутил монету, попробовал на зуб (я чуть не закричал), потом неожиданно замер. Его лицо изменилось — усмешка сползла, глаза сузились. Он смотрел на орла. Долго. Секунд десять. Потом поднял взгляд на меня, и в этом взгляде было что-то новое. Не узнавание, нет. Скорее, смутное беспокойство. Как будто он видел эту монету раньше. Или слышал о ней.

— Ладно, — сказал он тихо, возвращая монету.

— Садись. Бесплатно довезу.

Я сел у окна, сжимая золото в кулаке. Автобус тронулся. За окном поплыли поля, пере-лески, покосившиеся фермы. Женщина с ребёнком пересела подальше от меня. Спецовочники замолчали.

Водитель ехал и периодически поглядывал на меня в зеркало заднего вида. Его лицо ничего не выражало, но я готов был поклясться: он что-то знает. Или, может быть, боится.

Я опустил взгляд на монету. На аверсе Екатерина смотрела куда-то влево, с лёгкой улыбкой на губах. А под её профилем, на гладком золотом поле, я вдруг заметил то, чего не видел раньше: микроскопическую точку, как след от иглы.

Ещё одна буква?

Я поднёс монету ближе к свету, льющемуся из мутного окна, и сердце пропустило удар.

Это была не буква.

Это была капля. Засохшая капля крови, вьёвшаяся в золото так, что её не брала ни вода, ни время.

И она была свежей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.